

М.Б.Корчагина

О ПЕРСПЕКТИВАХ ДОСТИЖЕНИЯ АНТИТОТАЛИТАРНОГО СОГЛАСИЯ

(к итогам международной конференции)

Все, что касается истории, будь то статья, книга или лекция, тем интереснее, чем больше размышлений вызывает даже у человека, не связанного с исторической наукой. В этом смысле состоявшаяся в середине мая 1998 г. в Москве конференция «Россия и Германия в XX веке: пути к анти тоталитарному согласию, опыт и задачи», безусловно, заслуживает внимания.

Организаторы этой встречи – Институт всеобщей истории РАН, Центр исследований европейской интеграции при Боннском университете, Мюльгеймская инициатива и общество «Россия – Германия» – пригласили ведущих российских и немецких специалистов по заявленной теме. Историки Я.С.Драбкин, А.И.Борозняк, В.П.Булдаков, Б.С.Орлов, заместитель председателя Конституционного суда России, известный юрист Т.Г.Морщакова были основными докладчиками с российской стороны. Их партнерами и оппонентами стали немецкие ученые К.Д.Брахер, Х.-А.Якобсен, Б.Фауленбах, К.-Д.Хенке, Э.Ессе, Р.Майер, Н.Верт. На конференции также выступили историк и публицист Р.А.Медведев, член правления общества «Мемориал» М.М.Кораллов, философ И.Б.Чубайс, педагог Г.В.Клюкова, молодые историки А.В.Шубин и В.В.Дамье, представляющие новые неформальные общественные движения, и др.

Несмотря на общественное звучание обсуждавшейся проблемы и представительный состав конференции, российские средства массовой информации, к сожалению, не проявили к ней должного внимания, еще раз продемонстрировав, что в отличие от ученых они «все знают» о прошлом России и Германии и путях его преодоления. Правда, и первый отклик во «Франкфуртер Алльгемайне Цайтунг» показал, что германских журналистов больше интересует мнение «немецких профессоров о преодолении прошлого в Москве», нежели собственно обмен мнениями с их российскими коллегами¹.

Между тем для российской исторической науки эта конференция означала выход на новый уровень осмысления проблемы тоталитаризма, так сказать, переход от теории к практике. В программу, в частности, была включена тема «Демократизация как ответ на тоталитарный вызов», в рамках которой рассматривались три вопроса – демократизация системы правосудия, демократизация преподава-

¹ *Nostalgische Jugend. Deutsche Professoren zur Moskauer Vergangenheitsbewältigung // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 26.05.1998.*

ТОТАЛИТАРИЗМ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН

ния истории в школе, возможности антитоталитарного консенсуса в Европе и России. По инициативе немецкой стороны, очевидно, как своего рода смотр сил демократизации, состоялась открытая дискуссия участников конференции со студентами московских вузов – будущими историками, политологами, журналистами. Именно в связи с этой встречей убеленных сединами профессоров с молодым поколением газета «Франкфуртер Алльгемайне Цайтунг» озаглавила свой отзыв о конференции «Ностальгирующая молодежь». Возможно из-за недостаточно высокого качества синхронного перевода автор статьи просто плохо понял, о чем шла речь. То, что взволновало и отчасти обескуражило гостей из Германии, в действительности было вовсе не тоской по прошлому, но разочарованием в настоящем, потребностью в новой конструктивной, общезначимой гуманистической идее (не путать с «национальной идеей!»), с какой не стыдно вступить в XXI в., идее, которую можно выработать только всем вместе, сотрудничая на равных.

Столь острая постановка проблемы антитоталитарного согласия в финале конференции заставляет более внимательно отнестись к ходу всей научной дискуссии и попробовать разобраться в ее перспективах.

«Окидывая взором наш век, – сказал, выступая на конференции, профессор К.Д.Брахер, – мы задаем вопрос: как рассматривалось и рассматривается прошлое в исследованиях, политике и общественном мнении прежде всего тех стран, которые после крушения или поражения собственной системы несут наибольшее историческое бремя – и как участники, и как жертвы?» С первых же докладов обнаружили два подхода к проблеме тоталитаризма и, соответственно, его преодоления, два ответа на поставленный мэтром германской истории вопрос. Немецкая сторона стремилась, главным образом, обобщить опыт демократизации в послевоенной Западной Германии, Федеративной Республике и в новых землях после объединения страны, рассматривая период национал-социализма как трагическое отклонение от магистрального пути развития, вызванное объективными причинами. Российская сторона, напротив, сочетала конкретный критический анализ прошлого – прежде всего сталинизма – с оценкой тоталитаризма во всех его исторических формах как глобального явления XX в. Ведь строго говоря, только итальянский фашизм, германский национал-социализм и сталинизм в России безоговорочно считаются тоталитарными системами. Все остальные, близкие им режимы скорее подпадают под определение «авторитаризм».

Но что помешало установлению диктатур в других, демократических странах, при том, что они достаточно тесно соприкасались и с Италией, и с Германией, а праворадикальные и фашистские движения существовали с конца 20-х годов во всей Западной Европе и США? В каком направлении шло развитие демократии в

этих странах, какие новые характеристики приобрели их политические системы в условиях индустриальной цивилизации с ее специфическими взаимоотношениями между человеком, обществом и государством? Наконец, какую роль в жизни этих стран сыграли вторая мировая война и оккупация? Подобные вопросы витают в воздухе, и неудивительно, что в ходе открытой дискуссии кто-то из студентов предположил, что в каждом конкретном случае, да и в целом, тоталитаризм выполнял некую историческую функцию. Дать ответы на эти вопросы попытались и участвовавшие в конференции авторы книги «Тоталитаризм в Европе XX века»². Однако дальнейшая работа в данном направлении могла бы обогатить наши представления о векторе и гарантиях необратимости демократического развития.

Известны шесть системных признаков модели тоталитарного режима: господство одной массовой партии во главе с харизматическим лидером, унитарная идеология, монополия государства на средства массовой информации, на вооружения, террористический полицейский контроль, централизованный контроль над экономикой³. Отсюда следует, и послевоенный опыт, прежде всего Германии, это подтверждает, что достаточно вернуться к таким принципам, как многопартийность, идейный плюрализм, свобода средств массовой информации, гарантии политических и гражданских свобод, рыночная экономика, чтобы государство вновь стало демократическим.

Однако эмпирические исследования показали, что даже классические фашизм и национал-социализм не так уж похожи, не говоря о сталинизме, который принципиально отличался от них и идеологией, и социальной базой. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что определение тоталитаризма нельзя сводить к системным признакам, сколько бы их ни было, и поэтому его преодоление, при всей важности, не может быть ограничено восстановлением принципов демократии. На пороге XXI в., очевидно, речь следует вести не столько о преодолении того или иного режима, сколько о преодолении часто латентной тоталитарной тенденции к полному поглощению общества государством с использованием старых и новых механизмов власти⁴. К сожалению, эта важнейшая проблема на конференции затрагивалась лишь на периферии дискуссии, а ответом на нее были призывы мэтров совершенствовать имеющуюся систему.

Пожалуй, центральным пунктом размышлений участников обсуждения стал вопрос о том, почему в постсоветской России демократизация происходит так трудно, а порой и драматично. Внимание обращалось на разницу стартовых, прежде всего социально-экономических, условий по сравнению с послевоенной Германией, где этот процесс шел под политическим контролем и при материальной помощи западных союзников, на различия в менталитете и политической культуре обоих народов, на непоследовательность самих российских реформа-

² *Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления.* М. 1996.

³ Там же. С. 500; Friedrich C.J., Brzezinski Z. *Die allgemeinen Merkmale der totalitären Diktatur // Totalitarismus im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung.* Bonn, 1996. S. 230–231.

⁴ *Тоталитаризм в Европе XX века.* С. 501.

торов – выходцев из прежней системы. Профессор Х.-А.Якобсен, в частности, указал на то, что «устранение социально-экономической асимметрии между Востоком и Западом» и «связанная с этим демократизация – это в любом случае не только вопрос о переходе к свободной рыночной экономике... но и о том, каким образом и какими средствами прежде всего интеллектуальные элиты сумеют последовательно и убедительно заполнить духовный вакуум после краха марксизма-ленинизма». По его мнению, основой анти тоталитарного консенсуса должен стать разрыв с прошлым «без “если” и “но”», анализ демократического государственного устройства и способов поведения, «которые делают демократию возможной». Помощь Запада при этом гарантирована.

И все же два обстоятельства не позволяют эффективно решать указанные задачи. Во-первых, признаваемые всеми различия, прежде всего идеологические, между национал-социализмом, сталинизмом и постсталинизмом делают, во всяком случае при жизни тех, кто вырос в советское время, разрыв с прошлым без *pro et contra* весьма проблематичным. Нынешние 40- и 50-летние – это в большинстве вовсе не ограниченные фанатики, а напротив, критически настроенные люди, тепло вспоминающие свое детство и молодость, понимающие необходимость перемен, хотя обретение своего места в жизни сегодня дается им с трудом. Директор ВЦИОМ Ю.А.Левада приводит данные, позволяющие сделать вывод, что «нет такой возрастной группы, которая считала бы нынешнюю власть ближе, прочнее, чем власть советская, начиная с самой ранней молодежи» и что «даже молодые люди находят сегодняшнюю власть чем-то сомнительным...»⁵. И дело здесь, думается, не только в неспособности российского руководства обеспечить гражданам достойную и безопасную жизнь, но также и в том же по ценностям, оказавшимся во многом утраченными на пути в семью цивилизованных народов.

Во-вторых, – и это, пожалуй, тот момент, который позволяет сравнивать ситуацию в Веймарской Германии и современной России, – речь идет об убедительности предлагаемой демократической модели, без чего невозможно решение проблемы самоидентификации народа. Произнесенная кем-то фраза – «Все, что нам говорили о социализме, оказалось неправдой, но все, что рассказывали о капитализме, оказалось правдой» – для миллионов людей подтверждается чуть ли не каждый день. В то же время и на Западе демократия вступает в полосу серьезных испытаний. По мнению ряда зарубежных экспертов, «рыночная экономика и демократия ни в коем случае не являются нераздельными кровными братьями, которые дружно обеспечивают благосостояние для всех», напротив, их принципы находятся в постоянном конфликте⁶. Эти специалисты предсказывают, что процесс глобализации мирового рынка – это путь назад, в период до-модерна с его острыми политическими и социальными катаклизмами, подобными тем, что имели место при переходе к новому времени и индустри-

⁵ Новая газета. 29. 06. – 5.07.1998.

⁶ Martin H.-P., Schumann H. Die Globalisierungsfalle. Der Angriff auf Demokratie und Wohlstand. Reinbek bei Hamburg, 1997. S. 311.

⁷ *Ibid.* S. 13–14,
313–320.

лизму⁷. В отличие от государств с развитыми демократическими системами и гибкой экономической структурой, Россия не в состоянии компенсировать своим гражданам социальные издержки глобализации. Думается, именно этим, а не якобы обусловленным русской ментальностью стремлением к «сильной руке», объясняется то, что вопрос «демократия или авторитаризм» до сих пор не решен.

В докладах выступавших на конференции присутствовала озабоченность духовным и моральным состоянием современных обществ. Лейтмотивом стала мысль о необходимости всеобщего согласия относительно фундаментальных ценностей как основы построения свободных правовых государств, но пафос при этом зачастую был обращен к интеллектуальным и политическим элитам. Между тем нынешняя ситуация является серьезным вызовом не только политической воле, но и нравственности буквально каждого человека. Гарантии государства или аналогичных наднациональных органов важны лишь в начале пути человечества к свободе как альтернативе тоталитаризму. Дальнейшее движение неминуемо должно преодолеть лежащую в основе любой власти, доминирующую в истории и потому кажущуюся вечной и неизменной логику господства и подчинения, производства и потребления, привести к более высоким формам самоорганизации человечества. В свое время казненный за участие в заговоре против Гитлера пастор Дитрих Бонхёффер размышлял о «совершеннолетии мира», который не будет нуждаться в Боге и религии как в «аварийном выходе» в сложных ситуациях⁸. Рискнем продолжить ход его мысли и предположить, что «взрослый мир» не будет нуждаться и в посредничестве государства или аналогичных институтов. Ведь был же в недавней истории пример духовного и нравственного подъема – движение Сопrotивления, основанное на свободном индивидуальном выборе каждого.

Следует подчеркнуть, что до сих пор в истории действовал негативный принцип обеспечения свободы, шла более или менее явная конфронтация с прошлым, в том числе и совсем недавним, тогда как необходимо было его критическое осмысление, постижение взаимосвязанности и взаимообусловленности мира на всех этапах его становления. Сегодня есть все возможности для отказа от конфронтационного видения истории, но немало и препятствий. В ходе дискуссии на конференции выступила одна студентка. Начав с распространенного ныне призыва «выдавливает из себя раба», она завершила свою взволнованную речь таким признанием: «Я – будущий журналист. Среди прочего меня обучают технологиям манипуляции общественным сознанием. Это – страшно!»

⁸ См.: Бонхёффер Д. Сопrotивление и покорность. Письма и заметки из тюремной камеры // Вопросы философии. 1989. № 10–11.